

Опредѣленіе хронологіи русскихъ духовныхъ стиховъ, въ связи съ вопросомъ объ ихъ происхожденіи.

(Продолженіе).

Стихъ о св. Пятницѣ и труженикѣ.

Въ 21 вопросѣ 41 главы Стоглава мы читаемъ слѣдующее:

„По погостомъ, и по селомъ, и по волостемъ ходять лживые пророки, мужики, и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются. А сказываютъ, что имъ являются святая Пятница и святая Анастасія, и велятъ имъ заповѣдати христіаномъ каноны завѣчивать. Они же заповѣдаютъ христіанамъ: въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разжигати“.

Несмотря на то, что въ срединѣ XVI в. постановленіе Стоглаваго собора воспретило всѣ перечисленныя дѣйствія, они имѣли мѣсто спустя сто лѣтъ послѣ воспрещенія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ легендъ XVII в. Въ 1641 г. всемилостивый Спасъ и пречистая Богородица явились какой-то крестьянкѣ Ѳеклѣ и повелѣли ей заповѣдать всему народу, чтобы дурнымъ словомъ не бранились, хмельные не ходили бы въ церковь, а табаку не курили бы.

Далѣе передается повелѣніе, чтобы люди праздники почитали, въ воскресные дни не работали ¹⁾. О Ѳеклѣ сообщается что ее „тружало“, т. е. трясло, мучило.

Лживые пророки и пророчицы, противъ которыхъ возста-

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. 1863, № 1, отд. IV, стр. 38–39.

валь Стоглавый соборъ, представляли собою обычное явленіе въ XVII столѣтіи. Сказаніе объ осадѣ шведами Тихвинскаго монастыря въ 1613 г. передаетъ два чудесныхъ видѣнія:

1) „Прилучися быти нѣкоей боголюбивой женѣ, именованъ Гюліаніи, явися ей во снѣ святая Богородица со святымъ Николаемъ чудотворцомъ, глаголюща сице: Повѣждь воеводамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ: аще не очистите храма моего, погибнетъ святое мѣсто сіе и вси людіе въ немъ отъ многаго блуженія и поганства, понеже въ паперти моей, около церкви моей спять з женами, и оскверниша святое мое мѣсто“ ¹⁾.

2) „В заутреннее пѣніе явися надежда наша пречистая Богородица со св. Николаю чудотворцемъ, и со преподобнымъ отцемъ Варлаамомъ Хутынскимъ, и зъ Зосимою Соловецкимъ мужу богобоязливу, Соловецкаго монастыря слуги, именованъ Мартиніану, по реклу Поспѣль-Горе. Рече ему св. Николае: Человѣче! повѣдай воеводамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ: пречистая Богородица... Сына своего, Христа Бога нашего умолила избавити васъ отъ безбожныхъ еллинъ и повелѣ... изыти на выласку, чтобъ съ порогу моего свиней срыли“ ²⁾.

Въ редакціи той же повѣсти, относящейся къ 1658 г., къ первоначальному тексту прибавлено еще слѣдующее.

„И абіе, тоя же нощи, второе явися... Богородица челувѣку нѣкому, поселянину сушу, именованъ Григорію, паки глаголя: иди и рцы всѣмъ во обители сушимъ, дабы шедше съ велимъ дерзновеніемъ поганыхъ свиней отъ дому моего отгнали.—Многая же и ина Богоматере различная тогда чудеса и явленія мужемъ и женамъ быша. на присѣщеніе убо и веліе заступленіе обители ея и всѣмъ правовѣрнымъ, на конечную же погибель злочестивымъ. О сихъ же убо Богоматере веліихъ благодѣяніяхъ потонку изъяснити невозможно, понеже несказанна суть и неисповѣдима милость ея ко обители своей и къ роду челувѣчу“ ³⁾.

Заповѣди св. Пятницы, о которыхъ говорится въ Стоглавѣ,

¹⁾ Новгородскія лѣтописи Слб. 1579. Стр. 365.

²⁾ Тамъ же, стр. 371.

³⁾ Тамъ же, стр. 430—431.

составляютъ содержаніе довольно распространеннаго стиха о трудникѣ и Пятницѣ. Св. Пятница является къ подвижнику, Божьему челоуѣку, не владѣвшему ни руками, ни ногами, и велить ему заповѣдать всѣмъ христіанамъ, что нельзя по средамъ золить платье, а по пятницамъ нельзя мыть. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ къ этимъ заповѣдямъ прибавляются еще указанія: не работать (не косить луговъ) по воскресеньямъ, ходить въ церковь, становить свѣчи, заказывать молебны и не браниться дурнымъ словомъ. Тѣ же самыя указанія мы видѣли въ видѣніи Феклы въ 1641 г. Почитаніе церкви отразилось въ видѣніи Іуліаніи въ 1613 г. Въ этихъ двухъ видѣніяхъ вмѣсто св. Пятницы является Богородица, которая занимаетъ мѣсто Пятницы и въ нѣкоторыхъ пересказахъ стиха.

Въ указаніяхъ документовъ XVI и XVII вв. особенно любопытно то, что пророчества происходили въ селахъ и деревняхъ. На то же самое мы имѣемъ указаніе въ одномъ документѣ конца XVI в., именно: въ заповѣдной грамотѣ крестьянъ Тавренской волости 1590 г. ¹⁾ Здѣсь мы читаемъ постановленіе крестьянскаго общества, совершенно идущее вразрѣзъ съ постановленіемъ церковнаго собора 1551 г. „А въ пятницу ни толчи, ни молоти,... проводить съ чистотою и съ любовью“. Всего любопытнѣе то, что постановленіе крестьянъ было сдѣлано съ одобренія мѣстнаго священника: „Къ сей заповѣдной грамотѣ Ильиньской пошъ Ефремъ, Ивановъ сынъ, руку приложилъ“.

Цѣлый рядъ указаній на то, что празднованіе пятницы, кромѣ воскресенья, пропагандировалось только въ сельскомъ людѣ, заставляетъ насъ предполагать о связи этой пропаганды съ интересами этого люда. Но когда у сельскаго населенія могло явиться особенное стремленіе къ празднованію двухъ дней въ недѣлю? Оно могло явиться лишь тогда, когда крестьянинъ, раньше работавшій на себя, вслѣдствіе лишенія земли или инвентаря, долженъ былъ перейти въ холопы. Указаніе на такого рода явленія мы встрѣчаемъ впервые въ Судебникѣ 1550 г.; Судебникъ 1497 г. этого явленія еще не отмѣчаетъ ²⁾. Поэтому можно думать, что

¹⁾ Акты юридическіе, № 358. Есть р Тавренъга, притокъ Вели, въ Вельскомъ у Волог. губ.

²⁾ См. Ключевскій, Курсы русской исторіи, II, 410.

рость холопства относится ко времени не ранѣе первой половины XVI в. Къ тому же времени слѣдуетъ отнести и чудесное появленіе заповѣдей о празднованіи пятницы, отмѣченныхъ впервые соборомъ 1551 г., какъ и ихъ поэтическую обработку въ формѣ духовнаго стиха.

Стихъ о Василии Кесарійскомъ.

Одна изъ заповѣдей св. Пятницы направлена противъ брани дурнымъ словомъ. Пятница наказываетъ, чтобы люди—

По матерну слову не бранились:

Матерное слово проклятое,

Отъ матернаго слова душа погибаетъ.

Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ пересказахъ стиха мѣсто св. Пятницы занимаетъ Богородица. Наставленіе Богородицы противъ дурной брани составляетъ одну изъ частей стиха о Василии Кесарійскомъ ¹⁾.

Литературный источникъ этого стиха до сихъ поръ еще не былъ указанъ. Въ 1898 г. Д. И. Успенскій, записавшій одинъ изъ вариантовъ стиха въ Тульской губ., указалъ на сходство его содержанія съ апокрифическимъ сказаніемъ о Василии Великомъ, помѣщенномъ въ проповѣди о тропаряхъ и пьянствѣ, которая приписывалась Θεодосію Печерскому. „Можетъ быть, догадывался г. Успенскій, въ стихѣ мы встрѣчаемъ не измѣненный, а лишь болѣе подробный пересказъ апокрифическаго сказанія о Василии Великомъ, чѣмъ въ проповѣди Θεодосія Печерскаго“ ²⁾. Предположеніе г. Успенскаго въ настоящее время подтвердилось моими находками. Въ двухъ позднихъ рукописяхъ, XVIII в. (одна изъ нихъ, можетъ быть,—начала XIX в.), я нашелъ то апокрифическое сказаніе, о существованіи котораго догадывался г. Успенскій. Содержаніе его слѣдующее.

Василій Великій Кисарицкій стоялъ на правилѣ и молился со слезами предъ образомъ Богородицы. И былъ ему гласъ отъ образа, такъ рекла Богородица Василию: „Если ты хочешь имѣть меня заступницею въ скорбяхъ, то удались злого діавола—хмельнаго питья“. Василій, услышавъ грозную за-

¹⁾ Есть коротенькій стихъ (Нижегор. губ.) специально „о матерномъ словѣ“: „Этнографич. Обзоріе“ 1907, №№ 1—2, стр. 66

²⁾ Духовные стихи Тульской губ. Василій Великій „Этнограф. Обзоріе“ 1898, № 3, стр. 178—179.

повѣдь Богородицы, палъ ниць на землю и лежалъ какъ мертвый. Едва очнувшись отъ страха, онъ сказалъ со слезами:—Тридцать лѣтъ я сидѣлъ за твоею трапезою, и только трижды дерзнулъ вкусить хмельнаго питья отъ неразумія.— И рекла Богородица: „Если кто хотъ разъ выпьетъ хмельнаго питья, въ него вселяется хмельный духъ и не выходитъ до тридцати лѣтъ: тотъ злой духъ отгоняетъ Духа Святого, какъ дымъ изгоняетъ пчелъ изъ улья“. Тогда Василій отрекся отъ хмельнаго питья и былъ трезвымъ до самой смерти. Онъ сталъ другомъ пресвятой Богородицы. Тогда сказала она Василію: „На все я зрю и смотрю; не могу только видѣть сквернаго грѣха блуднаго, злого хмельнаго дыханія и дурной брани. Если кто выбранитъ дурнымъ словомъ, отъ того слова небо восколеблется, земля потрясется, и уста того человѣка кровью залекутся. Въ тотъ день не подобаеть тому человѣку ни ѣсть, ни пить, потому что и я—мать всѣмъ людемъ. Если бы кто отъ своего рожденія не бранился матерно, я могла бы упросить Бога простить его великіе грѣхи и даровать ему царство небесное“.

И съ того времени въ храминѣ Василія не бывало хмельнаго питья. Онъ запретилъ его всѣмъ въ своей области и написалъ епистолю архіепископамъ, епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ и попамъ, чтобы они сами удалялись отъ хмельнаго питья и дѣтей своихъ унимали съ великимъ запрещеніемъ: „Если кто станетъ пить хмельное, въ таковыхъ въ церковь отнюдь не пускайте, чтобы они не прогнѣвали Св. Духа хмельнымъ дыханіемъ“.

Василій Великій сказалъ: „Пьянство губитъ мудраго святителя, оскверняетъ монашескій чинъ, не пускаетъ князя къ церкви, не даетъ поститься, не велитъ слушать церковнаго поученія. Пьянство дѣлаетъ людей способными на всякое зло: на убійство, блудъ, прелюбодѣяніе, сребролюбіе („кувы“), на пляски и бѣсовскія пѣсни. О комъ молва и позоръ среди людей?—о пьяницѣ. Кому блудъ сотворить?—пьяницѣ. Кому заутреню проспять, или литургію прогулять, или вечерню въ бесѣдѣ просидѣть? — пьяницѣ. У кого бываютъ ссоры, тяжбы и судебныя издержки?—у пьяницы. Горе тому человѣку! Кому будетъ праведный судъ, а пьяницѣ—неугасимый огонь. Пьяницы царствія небеснаго не наслѣдуютъ: имъ уготована вѣчная мука“

Таково содержаніе найденнаго мною поученія противъ пьянства ¹⁾. Когда оно могло появиться на русской почвѣ?

Это произведеніе было извѣстно въ русской литературѣ въ очень древнее время. На него ссылается поученіе, извѣстное въ рукописи XV в. подъ заглавіемъ: „Почуеніе святаго Панкратія о крещеніи обѣда и питія, въ первую недѣлю поста, св. апостоль. Списано Θεодосіемъ, худымъ мнихомъ“ ²⁾. Здѣсь находимъ слѣд. выписку изъ нашего произведенія: „Или кто смыслъ имать, да попытай въ святомъ писаніи, како ти рекла святая Богородица къ святому Василию. Сиде ³⁾ ему рече: „Аще хощещи мой другъ присный быти и заступницу мя во всѣхъ твоихъ обѣдахъ имѣти, и егоже аще хощещи послушливу мя имѣти, отверзися питія и всяко ⁴⁾ не молитвуй пьянь: не токмо бо не услышанъ будеши, но и Бога безгнѣвнаго разгнѣвивъ, окуженъ ⁵⁾ будеши въ муку““. Еп. Макарій помѣстилъ это поученіе среди сочиненій препод. Θεодосія Печерскаго (Ученыя Записки втораго отдѣленія И. Академіи Наукъ, кн. II, вып. II, стр. 198—199). Но проф. Яковлевъ не считаетъ возможнымъ приписать поученіе именно этому Θεодосію. Акад. Голубинскій ⁶⁾ понимаетъ происхожденіе поученія въ томъ смыслѣ, „что оно составлено на основаніи житія св. Панкратія, именно—житія священномученика Панкратія, епископа Тавроменійскаго, ученика ап. Петра, при чемъ житіе могло служить однимъ изъ источниковъ для составленія поученія. Но такому пониманію противорѣчитъ выраженіе: „поученіе св. Панкратія“. Акад. Голубинскій видитъ затѣмъ, безъ всякаго основанія, въ ссылкѣ на „писаніе“ о рѣчахъ Богородицы Василию житіе Василія Новаго; но въ этомъ житіи нѣтъ ничего подобнаго, и авторъ, какъ я и указалъ, ссылается на

¹⁾ Древне-русскихъ поученій противъ пьянства очень много. Они указаны и изложены въ изслѣдованіи проф. Яковлева объ Измарагдахъ. Но изложенное поученіе сходно съ нѣкоторыми изъ нихъ лишь въ заключительныхъ словахъ, со словъ: „Пьянство губить мудраго святителя“.

²⁾ Въ спискѣ 1602 г. послѣднихъ четырехъ словъ нѣтъ: Рузскій, свѣдѣнія о рукописяхъ, 63, № 5б.

³⁾ Въ другомъ спискѣ: „такъ“ (какъ и въ приведенномъ текстѣ)

⁴⁾ Въ другомъ спискѣ: „питія всякого и“.

⁵⁾ Въ др. спискѣ: „осужень“.

⁶⁾ Исторія русской церкви, т. I, пер. I, изд. 2, стр. 818—819, прим. 3, стр. 816, прим. 3.

мною найденное поученіе. Каково бы ни было отношеніе поученія о тропарныхъ чашахъ къ св. Панкратію и какой бы Ѳеодосій ни разумѣлся подъ „списывателемъ“ произведенія, для насъ достаточно знать, что уже въ XIV в. существовало то поученіе, которое уцѣлѣло въ рукописяхъ лишь XVIII столѣтія; относительно же существованія поученія св. Панкратія въ XIV в. свидѣтельствуемъ то, что оно встрѣчается въ Измарагдѣ I редакціи.

Но для опредѣленія времени появленія духовнаго стиха важно знать не только эпоху появленія поученія Василія Кисарицкаго, но и эпоху его популярности. Извѣстно, что тема „пьянства“ дѣлается особенно популярною въ русской литературѣ въ XVII в., когда распространяются не только поученія противъ пьянства, но также повѣсти о хмель и даже „азбуки“¹⁾. Но это общее соображеніе еще не рѣшаетъ дѣла. По нѣкоторымъ признакамъ можно начало популярности поученія Василія Кисарицкаго относить къ XVI в. На это, по моему мнѣнію, указываетъ то обстоятельство, что упомянутое поученіе св. Панкратія, касающееся преимущественно также пьянства, въ одномъ спискѣ XVI в. надписано именемъ Василія Великаго²⁾, взятымъ, скорѣе всего, изъ найденнаго мною поученія.

Въ виду того, что какъ стихъ, такъ и его источникъ возстаютъ не только противъ пьянства, но и противъ матерняго слова, для опредѣленія эпохи популярности поученія слѣдуетъ воспользоваться и данными относительно борьбы и со вторымъ зломъ. Мнѣ извѣстно 3 списка слова о томъ, „како не подобаетъ матери лаятися“, и два изъ нихъ относятся къ XVII в. А между тѣмъ эпизодъ о матерней брани заимствованъ поученіемъ Василія Кисарицкаго именно изъ этого произведенія: на это указываетъ то обстоятельство, что неясный намекъ одной изъ рукописей (отсутствующій въ другой): „И не подобаетъ тому челоуѣку въ тотъ день ни ясти, и не пити потому же, что и азъ имъ мати всѣмъ“,—этотъ намекъ находитъ себѣ объясненіе въ словѣ о дурной брани, гдѣ о Богородицѣ говорится, что она—„Мати... Творца

¹⁾ См. „Азбука писана о хмелю“, по рукописи XVII в., въ „Извѣстіяхъ Общ. Арх., Ист. и Этн.“, т. XVII, вып. 5—6, стр. 349—361

²⁾ Цитованный томъ Голубинскаго, стр. 819, прим. 3

небу и земли... Сія бо общая Мати вѣмъ православнымъ христіаномъ“. Такая версія между прочимъ объясняетъ и слова духовнаго стиха:

О, горѣ тому челоуѣку,
Ихто жа сквернословить и поматерну бранитце!
Тутъ же Мать сквернятъ и поносятъ,
Кой сотворилъ небо и землю“ 1).

Особенно важно отраженіе поученія противъ пьянства и дурной брани въ правительственныхъ мѣрахъ. Такихъ мѣръ неизвѣстно до половины XVI в. „Въ апрѣлѣ 1552 г. государь поручилъ двумъ своимъ чиновникамъ смотрѣть въ Москвѣ, чтобы священники и монахи не ходили по корчмамъ и не упивались въ пьянство, и имъ же поручилъ кликать по торгамъ, чтобы православные христіане отъ мала и до велика... „матерны бы не лаялись, и отцемъ и матерью скверными рѣчи другъ друга не упрекали“ 2). Этотъ кличъ по рынкамъ и базарамъ долженъ былъ довести до свѣдѣнія простоародья тѣ запрещенія, съ которыми до того времени были знакомы лишь грамотные люди. Отраженіе именно мѣропріятія 1552 г. я вижу въ словахъ духовнаго стиха, которыя измѣняютъ характеръ предписанія въ поученіи Василія Кисарицкаго. Въ эписistolіи Василія духовенство должно запрещать пьянствовать мірянамъ; стихъ, наоборотъ, отражаетъ положеніе дѣлъ въ эпоху Грознаго, когда правительство взялось исправлять нравы самого духовенства:

Не велѣно съвешшеннымъ архиреямъ и ереямъ,
И попомъ и протопопомъ
Хмельнаго въ уста вкушати;
Только велѣно съвешшеннымъ архиреямъ и ереямъ,
И попомъ и протопопомъ 3)
Литургію въ Божьей церкви
За престоломъ совершати.
А панамарю на папѣрти
Со жезломъ стояти,
Пьяново въ Божью церковь не пушшати 4).

1) Труды Музыкально-Этнограф Комиссіи, I, 25.

2) Голубинскій, Ист р церкви, т II, 794—795, со ссылкой на „Акты Историческіе“.

3) Труды Муз.—Этн Комиссіи, I, 24—25

4) Стихъ, записанный мною въ Калужской губ

Отмѣчу при этомъ, что слово „протопопъ“ не встрѣчается въ русскихъ памятникахъ раньше XV в. и что его нѣтъ и въ оригиналѣ стиха.

Еще одно соображеніе заставляетъ отнести время популярности поученій противъ пьянства и дурной брани къ эпохѣ Ивана Грознаго. Въ поученіи Богородица говоритъ Василию, что „хмѣль есть Сатаною сотворенъ“. Извѣстна легенда, рассказывающая объ этомъ сотвореніи. Версія легенды, найденная въ Лисестровскомъ приходѣ Архан. губ., содержитъ протестъ не только противъ пьянства, но и противъ дурной брани: „Хмѣльное питіе отъ бѣса сотворено на пагубу... и на вѣчную муку“. Пьяное питье пришло „къ намъ, въ Русскую страну, на погибель... и на муку вѣчную. Потомъ придетъ въ Русскую страну злая брань матерная на оскверненіе земли и воздуха и всея твари“. Въ этой версіи легенда носить слѣдующее любопытное заглавіе: „Видѣніе блаженный памяти государя царя и в. к. Ивана Васильевича всея Россіи о хмѣльномъ питіи“¹⁾.

Отсюда видно, что авторъ указанной версіи легенды относилъ ко времени Ивана Грознаго появленіе пьянства и дурной брани, а это онъ могъ дѣлать лишь на томъ основаніи, что въ то время впервые заговорили въ народѣ о вредѣ того и другого. Акад. Ждановъ²⁾ видитъ указаніе на сказаніе о хмелѣ въ книгѣ Зиновія Отенскаго „Истины показаніе“: Зиновій сообщаетъ отзывъ еретика Косого о словахъ игумена Серапіона „хмѣль—отъ бѣса“, котораго Косой называлъ *новымъ ученіемъ*. Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что легенда о хмелѣ появилась на Руси около половины XVI в., то-есть именно тогда, когда и начались правительственныя мѣропріятія противъ пьянства.

Мѣропріятія противъ пьянства въ 1552 г. имѣютъ непосредственную связь съ двумя главами Стоглаваго собора (1551 г.), 49 и 52, одна изъ которыхъ озаглавлена: „о пьянственномъ питіи, собрано отъ божественнаго писанія“. Мѣры Стоглаваго собора вызывали противъ себя недовольство монаховъ, одинъ изъ которыхъ говорилъ: „Се положища нынѣ

¹⁾ См. Труды Этногр. Отд. И. О. Д. Е., А. п. Э., кн. V, вып. 2, стр. 224—5. Другая версія легенды напечатана въ Памятникахъ стар. русской литературы, I, 137—138.

²⁾ Сочиненія И. Н. Жданова, I, 247, прим. 2.

законъ новъ не пити мнихомъ иже съ хмелемъ питія“: „сіе новое ученіе, еже не пити съ хмелемъ питія“, онъ называлъ такимъ же дурнымъ, какъ ересь ¹⁾. Въ XVII в. не только собираются свидѣтельства Свящ. Писанія противъ пьянства и правоучительныя повѣсти и легенды, но и слагаются вирши, но эти вирши болѣе новаго склада, нежели стихъ о Василии Кесарійскомъ. Напр.

Аще бы намъ вино въ мѣру
Славя Бога пити,—
Ино бы было добро,
И Богу угодно,
Людемъ не проторно,
Убогимъ не обидно,
Вельможамъ и властелемъ расправно,
Сиротамъ пріятно,
Нищимъ кормно,
Попамъ стройно (т. е. пристойно),
А мастеровымъ бы
Людемъ было сытно ²⁾.

Пьянство и дурная брань продолжаютъ обращать на себя вниманіе властей и въ царствованіе Михаила Феодоровича. Въ „Памяти тѣну Манойлову и поповскому старостѣ (т. е. благочинному), Никольскому попу Панкратію“, 1636 г., мы читаемъ увѣщаніе противъ обычая сельскихъ жителей поносить „другъ друга позорною и безстыдною бранію матерны и подобныхъ сихъ словесъ отца и матери скверными срамными словесы“ ³⁾. Предписанія правительства вызываютъ отвращеніе къ пьянству и въ сельскомъ населеніи. Объ этомъ свидѣлствуетъ упомянутая уже мною сѣвернодвинская легенда, записанная „при священникахъ и при всемъ народѣ“ Петрухою Ивановымъ Поповымъ въ 1641 г.

„Августа въ 16 день за заутреней было чудо на Красной Горѣ надъ нѣкой женою, именемъ Феклою, Спиридоновою

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Стихотвореніе приведено, въ описаніи сборника конца XVII в., П. Симоны, въ изданіи „Старинные сборники русскихъ пословиць“, и пр Сиб 1899. Стр. 19 Въ сборникѣ оно помѣщено рядомъ съ другимъ стихотвореніемъ, о событіи 1617 г

³⁾ Акты Археографической Экспедиціи, III. № 264

дочерью (нѣкія вѣси Юрьева Наволока ¹⁾). И почало тружати ея при всемъ народѣ. Явился въ то время всемилостивый Спасъ и пречистая Богородица Тиѳинская съ Пачеозера, и почаль ей въ то время наказывати. Наказываль той женѣ: „Сказывай ты, жена, во всемъ народѣ, чтобы всякихъ чиновъ люди молилися со слезами... всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ безпрестани, и стоя, ничего не говорили: и отъ того де нынѣ вся земля трясется... А табакъ бы отнюдь не пили и поматерну не бранилися. И хмѣльные бы люди въ церковь не ходили... И то святые отцы на вселенскомъ соборѣ проклиали. А въ которое время хто поматерну избранить, и въ то время небо и земля потрясется, и Богородица стоя вострепещеть о такомъ зломъ словеси, а уста его того дня кровью воскипятъ. И тѣми устами не подобаеть гайнѣ Господнихъ вкушати, ни креста цѣловати. А во церкви бы стояли со страхомъ и трепетомъ на молитвѣ безпрестани, и молилися бы со слезами, и другъ на друга сердца бы не имѣли со гнѣвомъ, и жили бы по святыхъ отецъ правилу“ ²⁾.

Отдѣльныя выраженія этого сельскаго документа 1641 г. прямо указываютъ на то, что юродивая Фекла заимствовала содержаніе своего видѣнія изъ „поученія Василія Кисарицкаго“, слова противъ дурной брани и поученій и легендъ противъ куренія и нюханья табаку. Это свидѣтельствуеть о томъ, что въ первой половинѣ XVII в. указанный мною источникъ духовнаго стиха широко былъ распространенъ въ сельскомъ людѣ. Въ настоящее время въ простомъ народѣ пользуются популярностью всѣ указанныя произведенія, за исключеніемъ „поученія Василія Кисарицкаго“, о былой популярности котораго свидѣтельствуеть лишь фактъ обработки его въ широко распространенный до сихъ поръ народный стихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). *А. Марковъ.*

¹⁾ Юрьевъ-Наволокъ и Паче-озеро находились въ Комарицкомъ стану Устюжскаго у. при устьѣ Вычегды См. *М. Богословскій*, Земское самоуправленіе, I, 279—280 и карту.

²⁾ Щаповъ, Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія Журналъ Мин. Нар. Просв. 1863, № 1, отд. IV, стр. 38—39 (по рукоп. Солов. библ. № 925)